

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Ю.Ф. Иванов

ПРОФЕССОР Н.П. ГРАЦИАНСКИЙ

Николай Павлович Грацианский входил в ту плеяду русских медиевистов, которая сформировалась в условиях дореволюционной России и после Октябрьской революции болезненно воспринимала новую методологию исторической науки и никак не мирилась с идеологическим диктатом правящей партии. Однако все по порядку.

Н.П. Грацианский родился 19 сентября (ст. ст.) 1886 г. в небольшом (всего 43 двора) селе Ерлино, расположенном в 14 1/2 верстах от уездного городка Скопина. Первыми азами грамотности мальчик овладел с помощью отца Павла Алексеевича, священника местной церкви. Мать Ольга Митрофановна хлопотала по хозяйству, ведь пришлось растить троих сыновей и двух дочерей. Сельская жизнь текла однообразно. Мальчик помогал ухаживать за садом и огородом. За огородом находился пруд, и любимым летним развлечением Николая были купание и ловля на удочку карасей. В десять лет Грацианского отдали в Скопинское духовное училище. Закончив его, мальчик продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. То была дань традиции. В семье чтили предков-священников, поселившихся в рязанских пределах чуть ли не в царствование Ивана Грозного.

В Рязанской духовной семинарии было налажено преподавание гражданской истории. Уделялось много внимания обучению древним и новым языкам. И юноша вынес из ее стен хорошее знание латыни, французского и немецкого. Упражнения по риторике выработали стройность мысли, яркость языка, точность фраз. Немалое значение имело и то, что приходилось заниматься интерпретацией классических авторов. Приобретенные знания пригодились Грацианскому при дальнейшем обучении в университете. Спеша поступить туда, молодой человек досрочно закончил семинарию. Для дальнейшего обучения он избрал историко-филологический факультет Казанского университета. Выбор, скорее всего, диктовался тем обстоятельством, что в 1906 г. университеты обеих столиц еще не вошли в обычную колею после революционных событий 1905 г. А Казанский считался лучшим среди провинциальных.

С самого начала занятий в университете Грацианский показал себя способным и старательным студентом. На III курсе под впечат-

лением аннексии славянских княжеств Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, взволновавшей русское общество, студент подал профессору русской истории Д.А. Корсакову реферат «Очерк завоевания Прибалтийского края меченосцами». Рукопись (60 страниц убогистого текста) заслужила хвалебный отзыв. Ее достоинство заключалось в том, что Грацианский первым в длинном ряду исследователей усомнился в абсолютной достоверности всех сведений, содержащихся в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского и у других авторов той эпохи.

Работа, явно переросшая рамки ученического сочинения, четверть века оставалась невостребованной. У Грацианского преобладали другие интересы. Студент еще на II курсе попал под обаяние профессора В.К. Пискорского, талантливого ученика И.В. Луцицкого. Его влияние на молодежь было велико в силу личных качеств и незаурядных педагогических способностей. Тем более что регулярно по воскресеньям профессор принимал студентов в домашней обстановке. Грацианский, оторванный от родных с детского возраста, в доме Пискорских ощущал атмосферу семейного уюта, которой молодому человеку так не хватало. Профессор же был чрезвычайно доволен тесным общением со студенчеством. «С ними у меня дело ладится, работают у меня охотно», – писал он киевским друзьям¹. Практические занятия, которые вел Пискорский, сосредотачивались на изучении документов, относящихся к истории ремесленных цехов во Франции и Германии. Зарубежные публикации источников имелись в Казани в единичных экземплярах. Профессор организовал их размножение типографическим и литографическим способами, чтобы каждый участник семинара ими располагал. Это значительно активизировало занятия. В числе наиболее активных и старательных студентов 1907/08 учебного года, не только написавших доклады, но и составивших конспекты прочитанных трудов, Пискорский первым назвал Грацианского².

Пискорский не случайно включил в учебный процесс семинар по изучению устройства средневековых ремесленных цехов. В русской медиевистике наметилась перестановка приоритетов. Не забывая об истории аграрных отношений, пытались уделить внимание и городу. Пискорский отозвался на новое веяние. В ходе занятий он обнаружил, что группа студентов серьезно увлеклась проблемой. Тогда профессор предложил тему для медального сочинения: «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях». На конкурсе победила работа, подписанная девизом «*Savoir pour prévoir*». Под этим французским изречением скрывался студент V семестра Н. Грацианский. Он очень ответственно подошел к выполнению работы. Им были изучены цеховые уставы, распоряжения парижского прево, королевские

ордонансы, постановления парламента. В отдельных случаях для освещения внутренней жизни парижских ремесленных цехов автором использовались материалы, относящиеся к другим городам страны. Такой метод можно считать правомерным, поскольку цеховое устройство во всем королевстве отличалось удивительным однообразием. Представленный на конкурс труд состоял из десяти полновесных глав. В первой – рассматривались основные теории происхождения ремесленных цехов. Наиболее реалистичной студенту показалась та, которая объясняла складывание средневековой цеховой системы путем комбинирования поместной организации ремесла с устройством религиозно-благотворительных братств. Вторая глава посвящалась экономическим основам цеховой организации и регламентации. Автор обратил внимание на недостатки цехового строя: отсутствие свободной конкуренции и личной инициативы. В следующих трех главах выяснялось правовое и экономическое положение учеников, подмастерьев, мастеров. Автор выяснил продолжительность рабочего дня и года ремесленников, размеры дохода мастеров, величину заработной платы работников. Этим главам была придана и некоторая политическая острота: сравнивалось материальное положение цеховых работников и положение мастеровых начала XX в.

В шестой главе анализировались системы устройства цеховой организации и суда. Кроме того, определялись границы автономности парижских цехов XIII–XIV вв. Седьмая отводилась под характеристику налогов и различных повинностей, падавших на ремесленников Парижа. Следующая глава целиком посвящалась описанию особенностей применения женского труда в ремесленных цехах и заключала в себе ряд любопытных подробностей. В девятой трактовались вопросы, связанные с деятельностью религиозно-благотворительных братств и союзов взаимопомощи цеховых ремесленников. В последней главе рассматривалась королевская политика в отношении цехов. Студентом было установлено, что по мере роста королевской власти и централизации государства цеховая автономия сокращалась. Словом, сочинение третьекурсника ничем не уступало магистерским диссертациям.

В.К. Пискорский в представлении ее к золотой медали отметил: «Автору пришлось преодолеть немало трудностей на пути своего исследования, между прочим, основательно изучить старый французский язык, на котором написана большая часть тех документов, которые легли в основу его работы. Автор отнесся к своей задаче с большой любовью и интересом. Как с внешней, так и с внутренней стороны его объемистое сочинение (678 стр.) представляет выдающиеся достоинства»³. Другой профессор всеобщей истории М.М. Хвостов присовокупил: «Вполне присоединяюсь к оценке со-

чинения под девизом *Savoir pour prévoir*, сделанной В.К. Пискорским, (...) с моей точки зрения, автор соединяет в себе ценный в историке интерес к общим вопросам науки с внимательным отношением к отдельным фактам, установление и анализ которых только и могут дать ответ на общие вопросы»⁴. Позже труд был опубликован⁵.

Подготавливая рукопись к печати, автор произвел некоторую доработку. Он отказался от прежней положительной оценки одной из разновидностей вотчинной теории происхождения цехового строя и склонился к мысли, что цехи явились производным от феодальной системы в целом. Была усовершенствована структура нескольких глав, добавлены новые факты. Переделки были незначительны. Много лет спустя академик Д.М. Петрушевский высоко оценил труд Грацианского как исследование, «в основе представляющее собою его студенческую работу, награжденную историко-филологическим факультетом золотой медалью. Как видим, автор ее уже тогда был настоящим ученым, и его книга сразу же заняла почетное место в нашей исторической литературе, и к ней должен обращаться всякий, кто хочет серьезно познакомиться с организацией средневекового ремесла и с жизнью ремесленного населения средневековой Европы»⁶.

В дальнейшем Грацианскому не довелось заниматься проблемами урбанистики. Но он охотно доверял их исследование своим аспирантам: А.А. Кирилловой, Ю.А. Корохову и другим. Весьма вероятно, что изменение направления научных интересов Грацианского произошло под определенным влиянием его нового руководителя. В августе 1910 г., т.е. в год окончания Грацианским университета, погиб В.К. Пискорский. Последнее, что он сумел сделать для молодого человека, было возбуждение ходатайства об оставлении его при университете для приготовления к профессорскому званию. Ходатайство поддержал и Корсаков. Министерство разрешение дало, и Грацианский был оставлен при кафедре всеобщей истории (специально по отделу Средневековья) с 1 января 1911 г. на два года. Содержание ему определили по 600 руб. в год из специальных средств университета. Размеры стипендии были минимальные. И все же Грацианскому еще повезло. Его однокашнику и приятелю А.Г. Муравьеву, оставленному при кафедре по тому же отделу, не досталось и таковой. Министерство народного просвещения не особенно жаловало историков.

Научными занятиями Грацианского руководил М.М. Хвостов. Человек широкого научного кругозора, ученик П.Г. Виноградова, Хвостов принадлежал к социально-экономическому направлению в российской историографии. Свое научное *credo* он охотно передавал ученику. Тот ценил расположение к себе профессора. Поминая добрым словом Пискорского и прощаясь с Хвостовым, умершим в

1920 г., Грацианский произнес: «Лично для меня было невыразимо тяжело расставаться с первым как моим ближайшим учителем и руководителем в годы студенчества, но для меня не менее тяжело расставаться в настоящее время и со вторым, живое духовное общение с которым особенно для меня было незаменимым после кончины В.К. Пискорского»⁷.

Сдать магистерские экзамены за два года не удавалось никому. Грацианский сдал их в 1914 г. и решил претендовать на приват-доцентуру, являвшуюся ступенькой к профессорскому званию. Претенденту надлежало прочитать две пробные лекции. Тему первой определял факультет, второй – он сам. Факультет, а точнее Хвостов, предложил тему, требующую анализа: «Средневековое поместье в Англии и Франции». Учитывалось, что Грацианский опубликовал работу, в которой разбирался полиптик Сен-Жерменского монастыря⁸. Следовательно, претендент хорошо представлял структуру французского поместья в начале IX столетия. Для второй лекции магистрант избрал тему: «Первый крестовый поход в историографии». Возможно, она была подсказана Д.Н. Егоровым, который в 1914 г. читал лекции о крестовых походах на Высших женских курсах Москвы и в Коммерческом институте⁹. Обе лекции, прочитанные претендентом, получили высшую оценку «весьма удовлетворительно»¹⁰. Теперь факультет мог поставить вопрос о его приват-доцентуре. 17 июня 1914 г. управляющий Казанским учебным округом разрешил принять молодого ученого в число приват-доцентов университета.

Как магистрант Грацианский имел право на длительную зарубежную командировку за казенный счет. В Дижоне и других городах Бургундии он надеялся отыскать документы, касающиеся положения крестьянства на землях знаменитого в Средневековье Клюнийского аббатства, история которого его заинтересовала. Кроме того, ученому хотелось пообщаться с французскими коллегами, как это делали Пискорский и Хвостов. Командировку предоставили, и Грацианский занялся подготовкой. Прежде всего он принялся усиленно практиковаться в разговорной французской речи и штудировать премудрости палеографии. В мечтах начинающий приват-доцент уже представлял, как занимается в архивах, осматривает древности, любит бесконечными виноградниками юго-востока Франции, но этим мечтам не суждено было осуществиться. Разразилась Первая мировая война. Затем последовала Октябрьская революция, разрушившая единое общеевропейское историографическое поле. Грацианскому пришлось довольствоваться библиотеками Петрограда.

До работы в университете ученый набирался педагогического опыта на Казанских высших женских историко-филологических

курсах, куда осенью 1910 г. был избран преподавателем истории Средних веков. Таким образом, он заменил Пискорского. Чувствуя ответственность, Грацианский старался не ударить лицом в грязь. Сохранилась часть лекций, которые новый преподаватель читал курсисткам¹¹. Даже сейчас, когда многие прежние положения медиевистики претерпели значительные изменения, читать их интересно. Методически они построены очень умело. В них содержалось мало дат и имен различных исторических деятелей. Лектор не перегружал внимание слушательниц деталями. Строго придерживаясь позиции своих учителей, Грацианский прослеживал социальные процессы.

Невозможно читать курс, стержнем которого являлась проблема генезиса феодального общества с его характерными чертами, не придерживаясь какой-либо теоретической установки. У Грацианского она проявилась в отрицании революционных изменений вообще и в отрицании революционного скачка при переходе от Античности к Средневековью в частности. «Не вдруг народилось это новое общество, – говорил лектор. – История никогда не делает скачков. Ее движение всегда планомерно и размеренно. Если же мы и говорим иногда о революции и быстрых и стремительных переворотах в строе человеческих обществ, то эти революции при более внимательном их рассмотрении всегда оказываются просто-напросто эволюциями, т.е. медленными и постепенными процессами в нормальном течении общечеловеческой жизни. То же самое следует сказать и о том коренном перевороте, который совершился при переходе от Древнего мира к эпохе средневековой»¹². Исходя из этой установки, Грацианский изображал средневековую жизнь как прямое продолжение жизни римского мира, осложненной, с одной стороны, нашествием варваров, и прежде всего германцев, а с другой – изменениями, диктуемыми течением времени.

Для практических занятий не хватало пособий. Молодой преподаватель вознамерился восполнить пробел. Вместе с Муравьевым он взялся за перевод «Салической Правды», исторического памятника, без знания которого нельзя понять процессы, сопровождавшие переход франкского общества в начальную стадию феодализма. Перевод источника на русский язык потребовал значительных усилий. Оригинал был составлен на ужасной варварской латыни, не знавшей этимологии, не соблюдавшей синтаксических правил, к тому же переполненной вкраплениями германизмов. Местами перевод можно было выполнить лишь в результате толкования отдельных слов, а то и целых титулов. Причем различные переводчики в разных странах зачастую истолковывали текст в совершенно противоположном смысле. Казанские соавторы сумели справиться с задачей. Кроме того, Грацианский составил краткие комментарии к источнику и напи-

сал введение, в котором объяснялось, почему избранную редакцию памятника следует считать первоначальной.

Составляя комментарии, автор задался целью не делать их исчерпывающими, дабы оставалась возможность самостоятельного осмысления источника участниками семинария. Одновременно вспомогательный аппарат не должен был сковывать преподавательских импровизаций, неизбежно возникающих в ходе занятий. Пособие получилось удачным¹³. Грацианский же был неудовлетворен и продолжал совершенствовать перевод после смерти Муравьева в начале 20-х годов, стараясь как можно точнее добраться до того смысла, которым слова и термины источника наполнялись в V–VI вв. Новая публикация «Салической Правды» была подготовлена к лету 1941 г. Сектор истории Средних веков Института истории АН СССР, в котором Грацианский работал по совместительству, принял решение о ее издании вкупе с несколькими другими памятниками эпохи. Война поломала все планы. После кончины ученого коллеги пытались издать рукописи, но неудачно. То ли имели место происки недоброжелателей, то ли сказались какие-то неизвестные нам причины.

Впрочем, не будем нарушать хронологию событий. Октябрьская революция, изменившая ход истории страны, повлияла и на судьбу Грацианского. Нормальное течение учебного процесса было нарушено, тем более что в августе 1918 г. Казань занял восставший чешский корпус. Когда Поволжье охватил голод, пришлось добывать пропитание не совсем обычным для ученого и преподавателя путем: Грацианский возглавил рыбацкую артель на Волге. Впоследствии, сравнительно легко пережив ликвидацию Высших женских курсов, он целиком отдался преподаванию в своей *alma mater*. Профессор В.Ф. Семенов вспоминал: «Я помню, учился у него в качестве участника его семинара в 1919–1920 гг. в Казани во время Гражданской войны. Практические семинарские занятия составляли для нас истинное удовольствие. Только там я почувствовал, что такое источник, как к нему нужно подходить»¹⁴. Число студентов у строгого преподавателя (некоторые студенты даже называли его «людоедом») обычно было невелико, но те, кто занимались у него, как правило, приобретали устойчивый вкус к продолжению научных изысканий.

Руководитель семинара приучал студентов скрупулезно анализировать исторические документы, буквально вникая в каждое слово, и только взяв от источника все возможное, точными формулировками отвечать на поставленные вопросы. Высказывать легкомысленные суждения было невозможно. Николай Павлович сейчас же уличал в незнании памятника или его неправильном истолковании. Мастерство Грацианского как преподавателя росло. 10 августа 1921 г. Государственный ученый совет (ГУС) утвердил его профессором

Казанского университета. В то же время на него обратили внимание органы политического надзора. Ученый открыто высказывал свое отрицательное отношение к проводившемуся замнаркомом просвещения М.Н. Покровским слиянию всех гуманитарных факультетов в университетах в единый факультет общественных наук (ФОН). Его неприятие насаждавшегося принципа партийности исторической науки носило демонстративный характер. Набирались и другие «грехи». Существуют сведения о том, что Казанское управление ОГПУ вынашивало идею высылки Грацианского за границу. Доброжелатели уведомили об этом профессора, и, опасаясь разделить участь многих представителей русской интеллигенции, он покинул Казань и после недолгого пребывания на своей малой родине, в селе Ерлино под Рязанью, в начале октября 1922 г. обосновался в столице.

Москва привлекала ученого возможностью более основательно заняться историческими исследованиями. В марте 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление о создании Научно-исследовательского института истории при ФОНе 1-го МГУ. Позднее это учреждение передали в систему Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН). Директором института был избран крупнейший медиевист страны Д.М. Петрушевский. Он же возглавил секцию истории Средних веков. Грацианский уже давно установил с ним связь и прислушивался к его мнению. Петрушевский в беседах с молодежью настаивал на том, что без основательного знакомства с сочинениями Цезаря и Тацита как источниками по истории древних германцев, «Салической Правдой», «Полиптиком аббата Ирминона», «*Capitulare de villis*», материалом грамот немыслима исследовательская работа над явлениями раннего Средневековья. И так получалось, что Грацианский в своих ранних работах как раз сосредоточился именно на перечисленных памятниках, что способствовало сближению двух ученых разных поколений. Сказался и их обоюдный интерес к идеям и методам исследования австрийского историка А. Допша. Петрушевскому давно хотелось проверить соответствие построений этого мастера интерпретаций историческим источникам, и он поставил перед секцией такую задачу. Однако секция с ней не справлялась. Грацианский же прекрасно знал источники. Кроме того, он со студенческих лет усвоил правило принимать во внимание всю совокупность фактов, избегая их тенденциозного выхватывания из исторических документов. В результате Грацианский напечатал статью, привлечшую внимание Петрушевского. В ней историк раскритиковал приемы исследования Допшем вопросов, связанных с происхождением «*Capitulare de villis*», и высказал несколько собственных соображений о характере данного памятника¹⁵.

Через несколько дней по приезде в Москву, точнее, 7 октября 1922 г., Грацианский вместе с Муравьевым появился в Институте истории и принял участие в заседании Совета. Их участие подготавливалось. Егоров тотчас подал составленную заранее записку, в которой убедительно обосновал необходимость образования в институте особой группы ученых «госпитантов». Они, хотя и не являясь сотрудниками, были известны «институту с точки зрения научного их веса»¹⁶. Институт помогал бы им проводить исследования. По всей видимости, записка должна была служить оправдательным документом в случае, если бы надзирающие органы обратили внимание на появление посторонних. С той поры Грацианский регулярно посещал институт. Петрушевский помог Николаю Павловичу устроиться на работу. Первоначально он преподавал на Пречистенских курсах. В 1923 г. появилась возможность получить должность профессора кафедры всеобщей истории на педагогическом факультете 2-го МГУ. Однако Научно-политическая секция ГУСа, рассмотрев вопрос об утверждении кандидатуры Грацианского, постановила: «Отложить»¹⁷. Вмешался Петрушевский, тогда пользовавшийся покровительством Покровского. Вскоре Грацианский делился с В.П. Бузескулом новостью: «Благодаря Д.М. Петрушевскому, устроился я во 2-м университете (бывшие женские курсы)...»¹⁸. Несколько ранее, именно в апреле 1923 г., Грацианского избрали действительным членом Института истории. Столь сложное именование придумали по той простой причине, что в республике всеобщего равенства отменили ученые степени, а профессорское звание превратили в преподавательскую должность.

Деятельность нового сотрудника началась с доклада «Traditiones в освещении Допша». *Traditiones* – дарственные грамоты раннего Средневековья, на основании которых Допш выстроил теорию постоянного убывания земельных владений монастырей. Тщательно разобрав его аргументацию, Грацианский подверг ее сокрушительной критике и доказал, что в реальности проходил непрерывный процесс уменьшения и увеличения монастырских земель. Допш заметил первое и просмотрел второе, хотя увеличение не только компенсировало убыль, но и обеспечило рост церковных владений. Слушавшая доклад В.В. Терешкович (известная в будущем как Стоклицкая-Терешкович) метко заметила: «Шел непрерывный прилив-отлив земель». С той поры ее слова часто употреблялись историками для характеристики этого явления.

Впоследствии доклад Грацианского был издан¹⁹. Соображения, приведенные автором, оказались настолько существенными, а критика так убедительна, что ее не удалось замолчать даже соотечественникам Допша, несмотря на его огромную популярность в немец-

кой литературе. Доклад послужил образцом выполнения принятого секцией плана, что всегда прослеживалось различными инстанциями. Чрезвычайно интересными были выступления Николая Павловича по докладам научных сотрудников I и II разряда. Он умел очень точно находить их слабые стороны, подсказывал им, какие источники и литературу надо дополнительно использовать. Его источниковедческая критика отличалась исключительной тонкостью и глубиной.

Катаклизмы начала XX в. привлекли пристальное внимание к переходным эпохам и в прошлом. Вот и Грацианский, определяя область научных интересов, отдал предпочтение эпохе раннего Средневековья. Ему хотелось познать механизмы такого сложного исторического явления, каким являлся синтез общинного и рабовладельческого общественно-экономического устройства. Этой проблеме посвящены и некоторые его ранние статьи, и главы, которые были написаны для учебного пособия «Обществоведение»²⁰. В школах этот учебный предмет подменил историю. В разные годы взгляды на проблему исторического синтеза менялись в соответствии с общим состоянием науки. Свои взгляды Грацианский наиболее полно изложил в капитальном исследовании, посвященном аграрным отношениям в средневековой Бургундии, присоединенной в VI в. к франкской монархии и в XI в. расчлененной на два крупных феодальных владения: королевство Бургундия и герцогство Бургундское.

Занимаясь данной темой, Грацианский проанализировал горы материала. Исследование основывалось «на изучении десятков тысяч дарственных грамот и иных документов, составляющих в общей сложности около 30 томов», – отмечалось в служебной характеристике ученого²¹. Из сухих, скучных документов Грацианский извлекал крупницы нужных сведений и выстраивал их в стройную систему, позволяющую уяснить особенности среды, в которой столкнулись римские порядки с германскими, причем явно обозначился перевес первых. Исследование разрушило ряд постулатов вотчинной теории, которая односторонне изображала то время эпохой безраздельного господства феодальных латифундий, а некогда свободное крестьянство поголовно закрепощенным.

Тема стала предметом нескольких докладов Грацианского, с интересом встреченных слушателями. К 1928 г. исследователь считал работу завершенной. Секция согласилась с его мнением и включила монографию «Аграрный строй Бургундии в X–XI вв.», объемом 15 печатных листов, в план издания²². С опубликованием научных трудов постоянно возникали трудности. Что-то не заладилось и на этот раз. В следующем году Грацианский подал в Коллегию института просьбу возбудить вопрос об опубликовании его труда «Бургундская

деревня в X–XII столетиях». Изменение заглавия могло означать просто уточнение, но, скорее всего, год был использован для дальнейшего совершенствования исследования. Ведь подлинный ученый до самого последнего момента шлифует свое произведение, а по его выходе досадует, что устранил не все огрехи. Коллегия, в которую из медиевистов входили Д.М. Петрушевский и А.Д. Удадьцов, постановила: «Считать необходимым работу напечатать»²³. Выполнить принятое постановление было уже не дано. До ликвидации института оставались считанные месяцы. Партия дала директиву на вытеснение из всех сфер общественной жизни ученых, сформировавшихся до Октябрьской революции. Наркомпрос РСФСР и лично Покровский, выполняя указание, взялись за Институт истории РАНИОН, в котором концентрировалось значительное количество таких «бывших». Нет надобности перечислять все действия Покровского против вышеназванного учреждения. Им посвящена специальная монография²⁴. Отметим лишь то, что одним из этапов подготовки ликвидации института явилась дискуссия по книге Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М., 1928), организованная Обществом историков-марксистов. Целью обсуждения была дискредитация Петрушевского как ученого. Мишенью для нападок явилось «Введение». В нем автор обратил внимание на ценность некоторых идей Г. Риккерта и М. Вебера для исторического познания. Дискуссия отличалась тем, что ее участники не интересовались достоинствами работы. Все дружно демонстрировали непримиримость к любого рода инакомыслию. Трезвые выступления Е.А. Косминского и А.И. Неусыхина никто во внимание не принимал. Сам «виновник» на заседания не являлся. Его примеру последовал и Грацианский, поступивший иначе. Был ускорен выпуск залежавшегося сборника, в котором помещалась речь Грацианского, произнесенная в 1925 г., когда отмечали 35-летие научной деятельности Петрушевского. В ней в качестве одной из заслуг юбиляра признавалось то, что он положительно прореагировал «на научно-исследовательскую деятельность Макса Вебера с его стремлением привести в стройный порядок бесчисленные факты исторической действительности путем сведения их к широким и отчетливым обобщениям»²⁵. Оратор напомнил и то, что Петрушевский отредактировал перевод на русский язык книги Вебера «Аграрная история древнего мира» (М., 1923) и написал к ней предисловие. В такой форме Грацианский напомнил о научном значении неокантианства. Правда, выпуск сборника только ускорил закрытие института. Его существование прекратилось 1 сентября 1929 г. Грацианскому надо было искать заработок. Ставка профессора 2-го МГУ составляла 160 руб., столько получали и слушатели Института красной профессуры.

Только там учились молодые люди, а Грацианский содержал семью: жену и двоих детей. Около года ученый проработал в Институте истории при Комакадемии, где ему платили 175 руб. Однако держать тут человека, написавшего в анкете «Отец – до Октябрьской революции сельский священник. После Октябрьской революции тоже», стало неудобно, и должность сократили. Устроился он в Бюро технических переводов при библиотеке ВСНХ. Здесь, как нельзя кстати, пригодилось свободное владение французским языком и хорошее знание немецкого и английского. Однако сочетать должность заведующего с профессорской в Высшем педагогическом институте, выделившимся из 2-го МГУ, было очень трудно. И Грацианский предпочел оставить Бюро и продолжать чтение лекций по истории Запада до образования эпохи промышленного капитализма на западном отделении Института. Ему не повезло. В обстановке перманентных реорганизаций западное отделение ликвидировали. Грацианского отчислили. Пришлось браться за чтение небольших курсов по истории техники в различных вузах Москвы.

Жизненная суета занимала массу времени, отнимала часть энергии. Тем не менее, ученый не забрасывал своего исследования и продолжал попытки опубликования монографии. Он попробовал издать ее через Московское отделение Академии истории материальной культуры, действительным членом которой Грацианский являлся. Но ничего не вышло. Петрушевский поделился с Неусыхинным: «Получил письмо от Ник(олая) Пав(ловича). Он наслаждается отдыхом у себя на родине. Книга его резолюцией А(лександра) Дм(итриевича) (Удальцова. – Ю.И.) отвергнута»²⁶. А.Д. Удальцов стоял во главе Московского отделения Академии, и его слово было решающим. А «к родным березкам» (выражение Грацианского) ученого тянуло в наиболее горькие минуты жизни. Более благоприятно его дела сложились в 1934 г., когда изменилось отношение партии к истории как школьному предмету. 5 марта Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о преподавании истории в школе. Во исполнение решения этого органа готовили соответствующие документы. 16 мая в «Правде» было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В нем констатировалось, «что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций...» За констатирующей частью следовало

указание, как перестроить преподавание. Поручалось подготовить новые учебники. Предлагалось открыть исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов, что и было немедленно выполнено. По примеру университетов, в педагогических институтах тоже создавались аналогичные структуры. Историки оказались нужными обществу.

Постановление еще готовилось, а Удальцов уже информировал научную общественность о типе учебника по Средним векам. В апреле 1934 г. Грацианский сообщил Петрушевскому об услышанном: «...оказывается, теперь приказано считать и именовать Средними веками весь период времени с падения Рим(ской) Империи до Вел(икой) Фр(анцузской) революции. Это, очевидно, компенсация за те гонения, которые ср(едние) в(ека) испытали»²⁷. В приведенной фразе заключалась ирония, вызванная неприятием командно-административного решения важного научного вопроса относительно периодизации исторического процесса. Сам Грацианский заканчивал свой курс XV веком.

Воссозданные исторические факультеты испытывали нехватку преподавателей. Грацианского затребовали сразу в двух педагогических институтах: Московском государственном и Городском, причем в обоих его утвердили заведующим кафедрой истории Средних веков. В результате настойчивых уговоров он согласился читать лекции в Московском институте философии, литературы и истории. Грацианского пригласили и в Институт красной профессуры, где после постановления от 16 мая 1934 г. учебные планы стали предусматривать систематическое изучение истории.

Новые факультеты нуждались в разного рода учебных пособиях. Грацианский внес в их создание свою лепту. Им был выпущен сборник исторических памятников «Французская деревня в XII–XIV вв. и Жакерия» (М., 1935), предназначенный для проведения практических занятий. Помимо перевода источников профессор написал обширное введение и составил примечания. Документы подбирались таким образом, чтобы студенты могли представить, как проходило освобождение крестьянства от крепостной зависимости и какие факторы вызвали указанный процесс. Автор подобрал отрывки из хроник, в которых было обрисовано бедственное положение сельского населения, обусловленное Столетней войной, разграбление деревень шайками дезертиров, бесчинство солдатни, усиление сеньориального гнета. Материал давал возможность проследить этапы крестьянского восстания, именуемого «Жакерией», понять, какую позицию занимали различные городские слои. Переведенные Грацианским источники позволяли представить картину расправы феодалов над участниками восстания.

Положительные отзывы на публикацию побудили Грацианского заняться «Хрестоматией по истории средних веков»²⁸. Ее он готовил совместно с С.Д. Сказкиным. Впрочем, материалы первого тома и первой части (до начала XVI в.) были подобраны и в большинстве переведены одним Грацианским. Формально пособие предназначалось учителям. Но оно главным образом использовалось на практических занятиях в пединститутах. В хрестоматию были помещены источники по хозяйственному быту древних германцев (Цезарь, Тацит, «Салическая Правда»). Прекрасно был выполнен перевод «Capitulare de villis», инструкции по организации крупного поместья каролингской эпохи. Язык переводов точен, в меру архаизирован. Помещены в хрестоматию и иные документы, важные для уяснения социально-экономических процессов Средневековья.

Грацианский принял участие и в написании первого советского школьного учебника по истории Средних веков для 6–7-го годов обучения. Однако его имени среди авторов мы не найдем. На титульном листе первой части учебника указаны те, кто ее не писал, что вызвало гневную отповедь Петрушевского, направленную в Народный комиссариат просвещения²⁹. Интриги против Грацианского продолжались. В 1935 г. Московское отделение Академии истории материальной культуры решило представить нескольких человек к недавно восстановленной научной степени доктора исторических наук. Среди них фигурировали Ф.Д. Удальцов и Н.П. Грацианский. Отзыв на их труды составил Д.М. Петрушевский. Удальцов искомую степень получил, Грацианскому отказали. Только 23 февраля 1938 г. по представлению Ученого совета МГПИ Аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР утвердила его в степени доктора исторических наук без защиты диссертации³⁰.

Постановление от 16 мая 1934 г. повлияло и на судьбу «Бургундской деревни». Ее в том же году приняли к печати, а в следующем году увидела свет³¹. Книга обратила на себя внимание специалистов тем, что автор отказался от привычной методики исследования грамот. Приступив к исследованию, он двинулся проторенной дорогой, пытаясь обработать их статистическим методом, применявшимся многими историками. Вскоре от него пришлось отказаться. Грацианский убедился, что такой метод в отношении бургундских грамот не даст точных результатов. Он не позволял выделить крестьянские дарения из общей массы земельных подношений. При формально-статистическом методе исследования легко было посчитать за одного совершенно разных собственников, но с совпадающими именами. Одновременно, наоборот, одного и того же собственника принять за одноименных разных лиц. Лишь тонкий качественный анализ поз-

волял разобраться во всех нюансах дарственных грамот, влияющих на достоверность конечных подсчетов. Он же давал возможность отождествлять встречающиеся в грамотах иноземные имена, которые на вульгарной латыни писались в совершенно произвольной транскрипции.

Переход к качественному анализу сопрягался с огромными трудностями. Нелегко было отказаться от хорошо налаженной схемы и приниматься за новую методику. Друзья, заходившие к Николаю Павловичу домой, видели его письменный стол, загроможденный стопками карточек с занесенными в них выписками из грамот. Работая над ними, Грацианский повторял: «Блаженны думающие, что они все знают, им неведомы муки ищущего». Стремление служить науке и истине дало свои плоды. Разнообразные комбинации приемов и методов качественного анализа грамот привели исследователя к важным результатам. Автор установил, что на аграрный строй Бургундии сильно повлияли старые римские порядки. Грацианский выявил значительное расслоение бургундской деревни X–XII вв. Наряду с зажиточными крестьянами здесь существовали и те, кто, впадая в полную нищету, ликвидировал собственное хозяйство. Удалось установить, что в изучаемом регионе земельная собственность была очень подвижна. Это обстоятельство обусловило сложность и пестроту социального бытия: одни хозяйства дробились, уменьшались, разрушались; другие за их счет разрастались и округлялись. И все же, констатировал Грацианский, «ярко выраженных симптомов одностороннего процесса поглощения мелкой земельной собственности крупнопомещичьей не замечается»³². Установив существование дифференциации бургундского крестьянства в раннем Средневековье, автор сделал вывод: «Имущественное расслоение деревни в различных его выражениях, применительно ко всей совокупности окружающей обстановки могло восходить к очень отдаленным временам, может быть, к временам поселения варваров и даже Римской империи»³³. Исследование выявило, что даже на последнем этапе феодализации в XI–XII вв. мелкая земельная собственность отчаянно сопротивлялась поглощению ее крупным феодальным землевладением. Подчинение мелкого земельного собственника крупному не означало непременно превращения первого в зависимого держателя второго. Часто подчинение выражалось просто в установлении различных сеньориальных повинностей. Важными были наблюдения Грацианского относительно структуры крестьянского надела – манса. Ученый определил удельный вес товарно-денежных отношений в Бургундии X–XIII столетий, обнаружил существование залога недвижимого имущества и держаний на свободном оброке, выявил особый вид держания в винодельческих хозяйствах.

Казалось бы, выявление Грацианским своеобразия развития феодальных отношений в романской деревне, где были сильны старые римские земельные традиции, наряду с новым варварским фактором, должно было быть воспринято как обогащение исторических знаний. Однако догматики от марксизма усмотрели в этом подрыв монистического взгляда на историю. Прежде всего, редакция без согласия автора предпослала книге предисловие, в котором задала риторический вопрос: перестраивает ли труд Грацианского «старые господствующие (в буржуазной науке) концепции и дает ли новые положительные построения с марксистских, т.е. единственно подлинно научных позиций?» И сама же ответила: «К сожалению, нет»³⁴. Автор обличался в игнорировании указаний Ф. Энгельса и не критическом восприятии взглядов Фюстель де Куланжа и Допша. Обвинение звучало угрожающе. Имя Допша в советской историографии служило своего рода жупелем. В обществе историков-марксистов провозгласили: «Под знаменем Допша часть русских буржуазных историков пытается в настоящее время бороться против марксистского “засилия” в исторической науке в СССР». А далее под это политическое положение подводился аргумент, подразумевающий организационные меры: «...всякий антимарксист есть потенциальный вредитель»³⁵.

К счастью, более тяжелых последствий не последовало. Сам Грацианский некоторые неприятности предвидел. Отсылая в редакцию в ноябре 1934 г. последний лист корректуры своей книги, он предположил: «...мне за нее порядком достанется от кого следует»³⁶. Действительно, предисловие явилось всего лишь началом. Положительную рецензию И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской забраковали. Вместо них пытались составить разгромный отзыв несколько аспирантов с кафедры истории Средних веков Ленинградского университета и из Академии истории материальной культуры. Однако задача оказалась им не под силу. В ряде диссертаций Грацианскому приклеивали ярлык «допшианец» и призывали бороться с его носителем. В только что созданном Институте истории АН СССР организовали обсуждение книги. А.Д. Удальцов в выступлении обещал детально проверить весь материал, положенный в основу монографии, и написать уже марксистскую работу о Бургундии. Тогда А.И. Неусыхин счел нужным ответить: «Книга является ценным вкладом в нашу литературу»³⁷. Воронежская исследовательница С.П. Боброва обнаружила письмо Грацианского профессору И.Н. Бороздину. Отправитель поведаль: «За книгу меня столько травили. Ее даже в свое время не пропускали за границу, и единственный только экземпляр попал в Англию. На него появилась рецензия, и тогда этот экземпляр затребовали во Францию. Там появилось

несколько восторженных рецензий, и книгу перевели на французский язык. Однако не напечатали, началась война»³⁸. Тем не менее, на родине продолжалась пристрастная критика. Не прекратилась она и после смерти исследователя³⁹. Необоснованные претензии удалось отменить лишь тогда, когда в конце XX в. разрушилось догматическое мышление⁴⁰.

Обвинение в «допшианстве» сыграло свою роль, когда Ученый совет МГПИ выдвинул кандидатуру Грацианского в члены-корреспонденты на выборах 1939 г. Грацианскому отказали. Выбрали А.Д. Удальцова. Зато остались слова, сказанные академиком Д.М. Петрушевским в адрес Николая Павловича: «Русская историческая наука приобрела в нем истинное украшение»⁴¹. В феврале 1941 г. МГПИ им. В.И. Ленина и Городской пединститут им. К. Либкнехта обратились к наркому просвещения В.П. Потемкину с просьбой ходатайствовать перед Верховным Советом РСФСР о присвоении Грацианскому звания заслуженного деятеля науки. Опять последовал отказ. Только в Великую Отечественную войну он получил орден Трудового Красного Знамени, которым тогда награждались работники просвещения за двадцатилетний стаж работы, и медаль «За оборону Москвы». Ее ученый заслужил самоотверженным трудом в октябре–декабре 1941 г.

В 1938 г. вышел первый советский учебник для вузов по истории Средних веков⁴². Он был перегружен второстепенными деталями, именами, датами. Главы отличались разнородностью стиля. Нареканиям на него со стороны студентов не было конца, а в МГУ они даже потребовали убрать с факультета Удальцова, одного из авторов и редакторов учебника. В такой обстановке, желая снять напряжение, руководство университета пригласило Грацианского на кафедру истории Средних веков. Он сразу же полюбился университетской молодежи. Свидетельством тому посвящение книги А.П. Левандовского «Карл Великий» (М., 1995) «светлой памяти дорогого учителя Николая Павловича Грацианского». Автор этой книги в 1939 г. сдавал профессору экзамен по истории Средних веков и получил единственную за все время обучения «четверку». Так что популярность Грацианского среди студентов основывалась не на добреньком отношении. Требовательный к себе, он не давал спуска и другим. Хотя в нужную минуту приходил на помощь.

Выход несовершенного учебника побудил Грацианского ускорить издание курса своих лекций⁴³. Этот курс являлся серьезным конкурентом официальному учебнику. Его отличал яркий язык, отсутствовали привычные штампы. Профессор вложил в него свой длительный опыт чтения лекций. Одни главы были написаны непосредственно по источникам, иные с использованием отечественной и

иностранный литературы. Профессор В.Ф. Семенов отметил: «Автору особенно удалось главы о варварских завоеваниях, о франкском государстве Меровингов и Каролингов, о феодальном обществе в Западной Европе в X–XI вв. Во втором томе хорошо написаны главы о Франции, Германии, Англии, Италии, Испании в XI–XV вв.»⁴⁴ Превосходный знаток западноевропейской культуры Средневековья мастерски написал соответствующую главу для своего курса. Несколько схематичнее были главы, посвященные истории славянских народов. Сознвая этот недостаток, Грацианский занялся подготовкой нового издания курса. Бороздину он рассказывал, что «им были значительно расширены и дополнены разделы, трактующие о средневековом славянстве»⁴⁵. Смерть сорвала второе издание. К сожалению, в педагогических институтах тогда историографию игнорировали, и Грацианский не мог поделиться своими богатыми знаниями в этой области. Но в университете он не упускал такой возможности. И упомянутый Левандовский получил свою «четверку» как раз за то, что, отвечая о Каролингах, запутался в историографических вопросах.

После Мюнхенского соглашения, когда в сентябре 1938 г. западные страны предали Чехословакию, в Европе запахло порохом. Патриотические чувства побудили Грацианского сосредоточиться на истории славянства, хотя он не оставлял исследования и в области прежних научных интересов. В предвоенное время получила острое политическое звучание его статья «Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии». Автор обратил внимание на то, что для идеологического обоснования экспансивных устремлений на Восток фашисты возродили националистические теории 40-х годов XIX в., которые представляли восточных германцев вековыми насельниками заэльбских земель. В ответ чешские и польские историки попытались доказать исконность славянских поселений в Центральной Европе. Авторская позиция была совершенно другая. Грацианский исходил из того, что ничем нельзя доказать, кто первым занял земли к востоку от Эльбы. И дело вовсе не в том, кто был первым. «Права первых насельников на ту или иную территорию – права более чем сомнительные. И если, исходя из этих своеобразных “исторических прав”, претендовать на какой-то новый передел территории Европы, то сами немцы едва ли что-нибудь от этого выгадают: ведь нет никакого сомнения, что в настоящее время они, по крайней мере, частично, владеют территорией, на которой их предки никоим образом не были первыми насельниками»⁴⁶. Грацианский дал отповедь бредовой теории расового превосходства немцев над славянами, опроверг измышления о том, что, продвигаясь на Восток, «культурные» немцы защищали высшую цивилизацию от низшей, свойственной

«некультурному» славянству. Им были вскрыты истоки такой идеи. Они исходили от хрониста XII в. Гельмольда, который оправдывал колонизацию и насильственную христианизацию полабских славян. Используя другие источники, Грацианский доказал, что «Хроника Гельмольда» тенденциозна и отражала идеологию немецких феодалов, захвативших славянские земли.

В военные годы тема отпора славян натиску с Запада стала у Грацианского ведущей. К концу 1942 г. он подготовил монографию «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века». В военных условиях ее оказалось невозможно опубликовать. В результате научный труд пришлось переработать в учебное пособие и издать его в Учпедгизе⁴⁷. Тем не менее и в таком урезанном виде книга вошла в научный оборот⁴⁸. К концу войны Грацианский подготовил монографию о Великоморавской державе, сыгравшей выдающуюся роль в истории западного славянства. В печати появился сокращенный вариант одной ее главы⁴⁹. Примечательно, что, придерживаясь исторической точности, Грацианский отступил от традиции русской историографии именовать солунских братьев Кириллом и Мефодием. Исследователь учел, что в Моравии Кирилл действовал под именем Константина, которым его нарекли при крещении. Лишь приняв монашество вне славянских пределов, Константин изменил имя. Автор убедительно аргументировал мысль о том, что церковь, созданная в Моравии одним из братьев, являлась орудием борьбы с немецким влиянием. Однако немцы в конце концов одолели первоучителей, изгнали учеников Мефодия и тем самым обезглавили славянскую церковь. В результате Чехия попала под влияние германизма. Для этой работы Грацианский разыскал источники, позволившие высветить основные направления внешней политики великоморавских князей, а также проследить взаимоотношения между папской курией, франкским государством, Византией, Болгарией. Тем самым выявилось воздействие международных факторов на расстановку политических группировок внутри Великой Моравии. Однако судьба лишила нас возможности увидеть монографию целиком. Грацианского убили двумя выстрелами 4 ноября 1945 г., когда он шел от железнодорожной платформы Рассудово на свою дачу. Преступление, оставшееся нераскрытым, породило массу слухов. Один из них связывал случившееся с публичными лекциями, которые Грацианский читал летом в Кенигсберге и Риге. Латвийские националисты будто бы устроили ему обструкцию, выкрикивали угрозы, но доказательств этому нет. Историческая наука понесла тяжелую утрату.

Для более полной характеристики личности Николая Павловича хочется отметить одну его черту, не относящуюся к сфере професси-

ональной деятельности историка, а вытекающую из воспринятой с детства христианской этики. Он всегда, чем мог, помогал страждущим. В его квартире долго проживал известный славист А.М. Селищев, с которым Грацианский подружился на студенческой скамье. В 1934 г. Селищева репрессировали, и, возвратившись через два года в Москву, он вынужден был искать пристанища. Страшно бедствовала семья сосланного на Урал профессора кафедры социологии МГУ Г.О. Гордона. Грацианский помогал продуктами и буквально спас ее от голодной смерти. Не порывал он связи с подвергнутым в 1935 г. заключению в ГУЛАГ и затем ссылке заведующим кафедрой истории древнего мира МГПИ И.Н. Бороздиным. Боброва, работавшая долго с Бороздиным, выяснила, что «Николай Павлович сообщал новости столичной науки, делился творческими и преподавательскими планами, высылал новую научную литературу»⁵⁰. В марте 1945 г. Бороздину понадобилась характеристика, скорее всего, для смягчения режима ссылки в Ашхабад. Грацианский тогда привлек заведующего кафедрой новой и новейшей истории МГПИ А.З. Ионисиани, и они составили обстоятельный документ, на что в тех условиях далеко не всякий мог решиться. Особенности обзора научных трудов Бороздина и подпись Грацианского под документом, стоящая первой, доказывают, что Грацианский был его основным автором. Бороздина охарактеризовали «как видного специалиста-историка, особенно в области изучения древнего мира и средних веков / преимущественно средневекового Востока»⁵¹. Возможно, и эти три машинописных листка сыграли определенную роль в том, что профессора стали выпускать в Москву для научных занятий.

Совместно с Д.М. Петрушевским и Е.А. Косминским Грацианский пытался выручить из сибирской ссылки Г.М. Пригоровского, крупнейшего знатока папирусов, в котором крайне нуждался Московский университет. Помогал он с устройством на работу и снабжал научной литературой Д.С. Граменицкого, вернувшегося из нарымской ссылки в Ташкент. Поступая таким образом, ученый не мог не понимать, что органы политического надзора воспринимают эти действия в качестве пассивного сопротивления режиму.

Грацианский погиб, далеко не исчерпав заложенного в нем творческого потенциала. С его уходом из жизни ослабело научное крыло, противостоящее приверженцам застывших догм, превращавших историю в подобие иллюстраций к высказываниям вождей. Но ученики Грацианского продолжали его исследования. Остались и работы ученого, свидетельствующие о его значительном исследовательском таланте.

- ¹ *Піскорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина. Київ, 1997. С. 283.
- ² Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1907 г. Казань, 1908. С. 19.
- ³ Отзыв ординарного профессора В.К. Пискорского о сочинении студента V-семестра Историко-филологического факультета Николая Грацианского «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях» под девизом «Savoir pour grévoir» // Годичный отчет... С. 18.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ *Грацианский Н.П.* Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911.
- ⁶ Отзыв Д.М. Петрушевского вложен в личное дело Н.П. Грацианского, хранящееся в музее МГПУ.
- ⁷ *Грацианский Н.П.* Памяти М.М. Хвостова // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1921. Т. 31, вып. 2. С. 104.
- ⁸ *Грацианский Н.П.* Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным полиптика аббата Ирминона). Харьков, 1913.
- ⁹ *Ершова В.М. О.А.* Добиаш-Рождественская. Л., 1988. С. 40.
- ¹⁰ *Москаленко А.Е.* Николай Павлович Грацианский (1886–1945) // Средние века. М., 1976. Вып. 40. С. 275.
- ¹¹ *Грацианский Н.П.* История Западной Европы в средние века. Ч. 1 (Лекции, читанные в 1912–1913 учебном году на Казанских высших женских курсах). Только для слушательниц автора. [Б.м., б.г.].
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Салическая Правда / Русский перевод Lex Salica Н.П. Грацианского и А.Г. Муравьева; С введением Н.П. Грацианского. Казань, 1913.
- ¹⁴ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 109. Л. 36 об.
- ¹⁵ *Грацианский Н.П.* К критике «Capitulare de villis» // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1913. Т. 30, вып. 2.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 18 об.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 1. Д. 30 «а». Л. 7. Ошибочно указаны иные инициалы: «К.Н.».
- ¹⁸ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 825. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.
- ¹⁹ *Грацианский Н.П.* Traditiones каролингской эпохи в освещении Допша // Труды Института истории РАНИОН. М., 1926. Т. 1.
- ²⁰ Обществоведение: Сб. ст. / Под ред. Н.Г. Тарасова. Пг., 1924. Т. II.
- ²¹ Личное дело Н.П. Грацианского.
- ²² ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 155. Л. 34.
- ²³ Там же. Д. 186. Л. 1 об.
- ²⁴ Подробнее см.: *Калистратов Г.И.* Институт истории ФОН–МГУ–РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992.
- ²⁵ *Грацианский Н.П.* Речь, произнесенная на торжественном заседании Института истории // Ученые записки. М., 1929. Т. 10. С. 13.
- ²⁶ Архив РАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 314. Л. 31.
- ²⁷ Там же. Ф. 493. Оп. 3. Д. 52. Л. 7.
- ²⁸ Хрестоматия по истории средних веков: Пособие для преподавателей средней школы / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1938–1939. Т. 1–2.
- ²⁹ Архив РАН. Ф. 493. Оп. 4. Д. 10. Л. 4–4 об.

- ³⁰ Личное дело Н.П. Грацианского.
- ³¹ *Грацианский Н.П.* Бургундская деревня в X–XII столетиях. М.; Л., 1935.
- ³² Там же. С. 77–78.
- ³³ Там же. С. 86.
- ³⁴ Там же. С. 9.
- ³⁵ Архив РАН. Ф. 371. Оп. 2. Д. 657. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 393. Оп. 3. Д. 52. Л. 8.
- ³⁷ Там же. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 75. Л. 9.
- ³⁸ *Боброва С.П.* Н.П. Грацианский в творческой судьбе и научном наследии двух воронежских ученых (О роли традиции в становлении медиевистики в ВГУ) // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 109.
- ³⁹ *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. Л., 1968. С. 97–99.
- ⁴⁰ *Гутнова Е.В., Мильская Л.Т.* Жизненный и творческий путь профессора Николая Павловича Грацианского // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 291.
- ⁴¹ Личное дело Н.П. Грацианского.
- ⁴² История средних веков. М.; Л., 1938. Т. 1 / Под ред. А.Д. Удальцова, Е.А. Комминского, О.Л. Вайнштейна; М.; Л., 1939. Т. 2 / Под ред. С.Д. Сказкина и О.Л. Вайнштейна.
- ⁴³ *Грацианский Н.П.* Средние века: Курс лекций: М., 1939. Т. 1–2 (на правах рукописи).
- ⁴⁴ *Семенов В.Ф.* Н.П. Грацианский как историк // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. М., 1946. Т. 37, вып. 3. С. 9.
- ⁴⁵ *Бороздин И.Н.* Н.П. Грацианский как историк славян (страница из истории советского славяноведения) // Труды Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького. Ашхабад, 1947. Вып. 1: Исторические науки. С. 6.
- ⁴⁶ *Грацианский Н.П.* Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939. С. 137.
- ⁴⁷ *Грацианский Н.П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века: Пособие для преподавателей. М., 1943.
- ⁴⁸ *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 69.
- ⁴⁹ *Грацианский Н.П.* Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве // Вопросы истории. М., 1945. № 1.
- ⁵⁰ *Боброва С.П.* Указ. соч. С. 108.
- ⁵¹ Личный архив П.А. Бороздиной.